

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
РОССИЯ

г. Москва

№ 3 АПР 1981

◆ ИНТЕРЕСНЫЙ ДОКУМЕНТ

«Русский фестиваль» у Поля Верлена

Апрельским днем (или вечером) 1894 года у прославленного французского поэта Поля Верлена собрался узкий круг друзей на домашний литературный фестиваль.

Но хозяин чувствовал себя в тот раз скорее гостем, ибо всем правил его друг Пьер Дюфруа — литератор (ему принадлежит книга об Артуре Рембо) и переводчик, избравший себе псевдоним Патерн Берришон. Он-то, собственно, и был инициатором того «русского фестиваля» у Верлена.

Берришон задался целью познакомить первого в то время поэта Франции с новоявленным литературным талантом из России: открыть ему неведомое дотоле имя писателя Владимира Короленко.

В тот день на суд Верлена Берришон решил представить свой, только что законченный — совместно с приятелем — перевод на французский язык повести Короленко «Слепой музыкант».

Следует сказать, что это произведение русского писателя и общественного деятеля к тому времени уже года четыре как вышло в свет на английском языке в Лондоне и Бостоне, почти одновременно. В России же повесть переиздавалась не раз и не два, но, по обыкновению, Короленко каждый раз обновлял свой труд. И когда наконец он сделал последнюю редакцию своего произведения, то поставил в рукописи первоначальную дату его написания (1886) и заключительную (1898).

Вернувшись к себе от Верлена, Берришон на первом попавшемся под руку листе бумаги (я имел счастье держать его в руках в помещении Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР

имени В. И. Ленина) поставил дату «Париж, 26 апреля 1894» и поведал незнакомому автору из России о состоявшемся у Верлена «фестивале Короленко» в таких словах:

«...Мой друг Поль Верлен, наш самый истинный поэт (поверьте, эпитет явился независимо от дружеских отношений), плакал, слушая перевод «Музыканта», и впечатление, которое он получил, он выразил следующими задуманными словами, что следует считать — не так ли? — выше всякой похвалы, идущей от критики, влияния или отсутствия ее:

— Отчего, — посоветовал мне он, — не сделаете вы по отношению к Короленко того, что для Эдгара По совершил Бодлер? Ознакомление Франции с русским поэтом было бы благодеянием для нашей литературы, исходящей в нелепой расправе символизма и реализма».

Последние строки открывают нам того Верлена, который, может быть, мало известен даже на родине: Верлен-символист, становящийся на сторону реализма!

Интересно и собственное мнение переводчика «Слепого музыканта». Назвав Короленко в своем упомянутом выше письме так же, как и Верлен, поэт, Берришон писал:

«Мне представляется (Слепой Музыкант) произведением самой первой величины, и как образец искусства является, по моему определению, началом развития эстетической мысли. В нем, по моему скромному мнению, разрешена проблема НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: разрешена без педантизма, так же как и без недостатка эмоциональности».

Ник. АЛЕКСЕЕВ